

ского и монокаузального к комплексному и поликаузальному, от аналитического к дескриптивному; в переходе от использования статистических, количественных подсчетов к сосредоточению внимания на индивидуальных примерах; изменения в понимании роли историка – от позиционирования его роли как ученого к выявлению сходства историка с литератором. Эти комплексные и многогранные изменения в содержании, целях, методе и стиле историописания, которые происходят одновременно, тесно взаимосвязаны, и нет понятий, через которые можно было бы адекватно суммировать все эти изменения в понимании задач, стоящих перед историописанием, но к настоящему времени как рабочий термин для обозначения этих явлений вполне может использоваться понятие «нарратив».

**Е.Б. Заболотный (Тюмень),
В.Д. Камынин (Екатеринбург)**

К вопросу о месте источника в современных дискуссиях о микро- и макроподходах к истории

Современное отечественное источниковедение решает новые задачи, постановка которых вызвана тем, что историческая наука все чаще применяет микроисторические подходы, ориентирующиеся на изучение реальной социальной практики прошлого, раскрывающейся через индивидуальное и уникальное, через жизнь и поступки конкретных людей и функционирование малых социумов.

В современной историографии нет единства по вопросу о правомерности разделения микро- и макроподходов к истории. Дискуссии происходят как бы между двумя полюсами: одни исследователи высказывают мысль о принципиальном различии между этими подходами; другие – о том, что противопоставление микро- и макроподходов не имеет под собой никакого основания. С нашей точки зрения, возможность интеграции микро- и макроподходов может рассматриваться в современной российской историографии как наиболее важная и сложная в плане практической реализации задача.

Обратимся к характеристике особенностей источниковой базы, которая позволяет применять микроподходы к изучению истории. Совершенно справедливым является указание на то, что «главный аспект в микроисторическом исследовании делается на поиск и работу с источниками личного происхождения». Л. Егорова полагает, что при изучении личности настоятельно необходимо «использование как можно большего числа источников личного происхождения – дневников, мемуаров, воспоминаний, писем, всех тех источников, которые долгое время мало принимались в расчет из-за их субъективности».

В тоже время большинство современных исследователей признает слабую обеспеченность источниками истории отдельного человека, живущего в новой и новейшей истории. По словам Т.И. Хорхординой, при формировании советской архивной системы наблюдалось «ослабление внимания к документам из личных архивов и собраний рядовых, невыдающихся деятелей, к местным архивам «низового уровня» и т.п. Устанавливались фильтры, сквозь которые документальному свидетельству о быте, духовной и повседневной жизни рядового гражданина пробиться на госхранение было практически невозможно». Это наблюдение дало основание В.А. Муравьеву сделать заключение о том, что российская историографическая традиция была не предрасположена к изучению исторической антропологии в связи со «значительно меньшей обеспеченностью источниками, отражающими ментальные явления, стоявшие вне государственной традиции, источ-

никами, способными полноценно обеспечить антропологически ориентированный подход».

Нам представляется, что при решении проблемы о репрезентативности источниковой базы для микроисторического подхода можно опереться на опыт, накопленный источниковедческой практикой. Весьма важной в современном источниковедении продолжает оставаться проблема «пробелов в источниках». На эту проблему обратила внимание в свое время польская исследовательница Ц. Бобиньска. Она объясняла эти пробелы в соответствии с марксистской парадигмой и считала, что препятствия, которые испытывали те или иные классы, те или иные общественные группировки в создании источников, были отражением серьезных помех в отправлении их общественных функций, подчинения или подавления их какими-то социальными факторами. По ее словам, «пробелы в источниках детерминированы с определенной закономерностью самим общественным процессом».

Советский источниковед М.А. Варшавчик для восполнения имеющихся «пробелов» в источниковой базе предлагал исследователям обращаться к изучению условий, способствующих образованию источников. Он писал: «Жизнь всегда богаче источников. При всем уважении к источникам нельзя сводить исторический процесс лишь к тем фактам, которые в них отразились. Величайшее искусство исследователей состоит в умении видеть то, что стоит за скупыми подчас строками документа, видеть жизнь во всей сложности ее переплетений, в кипении человеческих страстей. В этом умении историческая наука смыкается с искусством».

Любопытно, что советский автор буквально воспроизвел мнение дореволюционных исследователей Н.М. Карамзина, Д.И. Иловайского и др. о том, что история, с одной стороны – наука, а с другой – искусство. Д.И. Иловайский, в частности, полагал, что наука должна основываться на изучении источников, однако такое изучение должно носить лишь «приуготовительный характер», оно лишь готовит почву для основной, творческой задачи историка. Эта задача, по его мнению, заключается в том, чтобы «изобразить события, обстоятельства и лица такими, какими они представляются изображению самого историка», который должен «найти всему соответствующее выражение в языке; усвоить своему изложению достойный высокой задачи благородный стиль».

Современные историки предлагают свои пути выхода из недостатка источников для изучения того или иного круга проблем. По мнению А.Я. Гуревича, обращение к изучению исторической антропологии заставило не только начать поиск новых источников «низших» жанров, т.е. отражающих историю отдельного человека, но и «посмотреть, какую функцию выполняли высшие жанры, качество и познавательную ценность которых никто под сомнение не ставит. Произошло резкое расширение кругозора историков. Это революционное преобразование источниковедческой базы было вызвано не менее революционным преобразованием проблематики исследований».

С.О. Шмидт полагает, что «к выполнению подобных задач ученые были в определенной мере подготовлены изучением и комментированием разного типа исторических источников – и близкого времени и отдаленных эпох». В связи с этим определенный интерес представляет подход к решению проблемы недостаточного количества источников по определенному периоду истории, предложенный В.В. Фоминым.

Автор считает, что при изучении истории древней Руси VIII – XII вв. историкам не стоит ограничиваться исследованием только аутентичных источников, а следует обратиться к изучению источников XV – XVIII в., поскольку они даже лучше помогают осветить древнюю историю. В.В. Фомин исходит из того, что свидетели событий часто не фиксируют то, что им кажется совершенно ясным. Он пи-

шет: «Сводчики Повести временных лет, трудившиеся над нею со второй половины X до начала XII в., не касались проблемы этноса и родины варяжской Руси, самым деятельным образом участвующей с середины IX столетия в жизни восточных славян. Для них этой проблемы просто не существовало, так как они, по-яснял И.Е. Забелин, хорошо знали, о ком вели речь, поэтому не считали надобным входить в подробности, в свое время всем известные, и в первую очередь, конечно, тем, кому был адресован их труд». И только после периода раздробленности, нашествия и владычества монголов, в процессе образование единого Российского государства у летописцев появилось закономерное внимание к истокам российской государственности. В.В. Фомин подчеркивает: «Будучи хранителями и сберегателями исторической памяти народа, в принципиальных вопросах которой, по их понятиям, не должно быть белых пятен, они напомнили соотечественникам родину варяжской Руси».

А.А. Кучкин, в свою очередь, полагает, что использование источников более позднего происхождения «исключено», так как «разбираются источники, которые построены на возрожденческой историографии, на историографии, которая вместо библейских авторитетов использовала античных авторов».

По поводу ведущихся споров о состоянии источниковой базы при применении микроисторического подхода к истории хочется заметить, что проблема состоит даже не в количестве сохранившихся источников, а в самом подходе, в исследовательском инструментарии, в понимании внутреннего состояния изучаемого вопроса. Задача эта чрезвычайно трудная и требует от историков проникновения в семантику, в понятийный аппарат и культурные пласты изучаемого времени.

Г.В. Здерева (Тольятти)

Поиск современной методологии исторической науки

Сегодня историческая наука стоит перед выбором новых направлений изучения истории. Всемирно-исторический процесс в соответствии с распространенной в советский период марксистской теорией принято было представлять как процесс последовательной смены общественно-экономических формаций. Однако марксистско-ленинская теория как единая методология исследования исторического процесса очень скоро стала тормозом в научных исследованиях. Методология марксизма-ленинизма схематизировала прошлое, абсолютизировала революционное и преуменьшала значение эволюционного развития, исключала возможность инволюции.

Отказ от марксистской парадигмы привел к поиску новой методологии. В 90-е годы стал широко пропагандироваться цивилизационный подход как познавательная парадигма, которой, как считалось, можно было механически заменить марксистскую и с ее помощью объяснить и отечественную, и всеобщую историю.

Однако сама история свидетельствует, что распадающиеся цивилизации оказывают влияние на процессы формирования новых. Так, древнегреческая цивилизация оказала воздействие на древнеримскую, которая, в свою очередь, повлияла на формирование западноевропейской цивилизации, византийская – на русскую, советская – на современную российскую и т.д. То есть исторический цикл не исключает поступательной составляющей развития человечества в целом.

Эту теорию разрабатывали в разное время Дж. Вико, О. Шпенглер, отчасти А. Дж. Тойнби, Ф. Бродель, а также Н.Я. Данилевский, Л.Н. Гумилев и другие. А.Дж. Тойнби раскрывал общее движение человечества в специфической непо-